

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МУЗЫКАНТОВ

Ник. Каринцев

Моцарт

②

Для школьника и пионера

МУЗГИЗ 1935

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МУЗЫКАНТОВ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКА И ПИОНЕРА

ВЫПУСК II

НИК. КАРИНЦЕВ

М О Ц А Р Т

(КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ)

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

МУЗГИЗ

1935

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Брат и сестра	3
2. Маленький чародей	10
3. На берегу Зальцаха	15
4. Завистники	20
5. Член академии и рыцарь золотой шпоры	25
6. Гений в ливрее	33
7. В расцвете славы	40
8. Последний год	48
9. Моцарт в наши дни	55
Что написано В. А. Моцартом	56

1. Брат и сестра.

— То, что вы мне рассказываете, господин Моцарт, о вашем маленьком Воферле,—либо чудесная сказка, либо...

Моцарт пяти лет.

— Либо просто вранье, так хотите вы сказать, дорогой Вентцель?—запальчиво прервал своего друга, скрипача Вентцеля, придворный капельмейстер зальцбургского архиепископа Леопольд Моцарт.

— В таком случае призываю в свидетели нашего доброго Шахтнера. Он вам все это подтвердит. Не правда ли, Шахтнер?

Тот, к кому направлен был этот вопрос, музыкант Шахтнер, не задумываясь, ответил:

— Не только правда, но господин Моцарт не рассказывал и десятой доли того, что есть в действительности.

Леопольд Моцарт торжествующе посмотрел сначала на недоверчивого Вентцеля и затем крепко пожал руку Шахтнеру.

Разговор этот происходил в тесной квартирке Леопольда Моцарта, где музыканты собрались, чтобы на досуге поиграть. И в перерыве между двумя музыкальными пьесами придворный капельмейстер рассказывал Вентцелю о необычайных музыкальных способностях своего сына Вольфганга.

— Вы понимаете, Вентцель, до трехлетнего возраста мой Воферль был ребенком как все. Немного более капризный, может быть, более чувствительный, чем другие. Не проходило часа, чтобы он не спрашивал меня или мать: ты меня любишь, папа? ты меня любишь, мама? И горько плакал, если мы медлили с ответом. Однажды он присутствовал на уроке своей сестренки, Наннерль. Ей было тогда всего 8 лет, но она уже прекрасно играла на клавесине. И с моим Воферлем произошла разительная перемена. Он стал серьезен и сосредоточен, и только ждал минуты, чтобы поиграть на инструменте. И представьте себе, я ради шутки стал заниматься с ним. Не прошло и года, и он уже не только играет труднейшие вещи, но и сам сочиняет маленькие пьесы. Однажды мы с Шахтнером застали его за усердным писанием.

- Что ты пишешь?—спросил я его.
- Концерт для клавесина. Первая часть уже готова...
- А ну, покажи...
- Еще не готово, отец.

Шестилетний Моцарт.

— Все равно, покажи. Воображаю, что ты там состряпал.

Я взял нотный лист. Сначала у меня почернело в глазах от того количества чернильных клякс, которыми была усеяна бумага. Мальчугану легче было

делать кляксы и размазывать их рукой, чем выписывать нотные знаки. Но когда я присмотрелся к листу поближе и разглядел все ноты, написанные детскими каракулями поверх клякс, то увидел совершенно правильно написанный концерт, но такой трудный, что его вряд ли кто-либо мог бы исполнить. А когда Воферль вместе со своей сестрой сядут за клавесин и играют, то мне кажется, что лучших музыкантов я в мире не слыхивал... Я начал серьезно работать с сыном.

— И в этом, только в этом, залог того, что ваш сын, Моцарт, станет настоящим музыкантом. Передайте ему все ваши знания, которыми вы обладаете больше, чем любой из нас, научите его полагаться не только на свой талант...

В это время двери в комнату, где сидели музыканты, с шумом распахнулись, и на пороге появились мальчик семи лет и с ним двенадцатилетняя степенная девочка, которую мальчик крепко держал за руку, точно желая придать себе бодрости. В другой руке у мальчика была маленькая скрипка, которую он так же крепко, как руку сестренки, сжимал в своем кулачке.

— Папа, мне Наннерль сказала, что вы будете играть сейчас втроем концерт, сочиненный господином Вентцелем. Дай мне сыграть вторую скрипку!

— Вольфганг, не говори глупостей! Ты хорошо играешь на клавесине, но на скрипке не играешь еще, а между тем хочешь принять участие в концерте, где нужны настоящие музыканты. Это очень легкомысленно с твоей стороны...

— Папа, я играю на скрипке, я уже выучился, а для второй скрипки вовсе не надо быть виртуозом.

Ты упрям, Воферль... Ступай к себе и не мешай нам!

Мальчик повернулся, чтобы скрыть от присутствующих слезы на своем лице. Наннерль поняла, что брат ее вот-вот зарыдает. Она подошла к отцу и шепнула ему:

— Разреши ему, отец, он вовсе не плохо играет на скрипке.

— Да, да, господин Моцарт, мы хотим тоже послушать Вольфганга. Разрешите ему сыграть! Это будет прекрасный случай проверить ваши слова...

— Ну, хорошо, Воферль. Сядь здесь, и играй вместе с Шахтнером, но только так, чтобы тебя совсем не было слышно. Чуть ты напутаешь, сейчас же уйдешь прочь.

Музыканты уселись, настроили инструменты, и не прошло несколько минут, как изумленный Шахтнер, игравший вторую скрипку, видит, что его роль становится совсем второстепенной и ненужной. Он тихонько отложил свою скрипку [в сторону, и Вольфганг, к изумлению и восторгу всех присутствующих, блестяще провел свою партию] до конца. Он не только не пропустил ни

Леопольд Моцарт (отец композитора).

одного такта, но сыграл всю партию на своей карликовой скрипке с таким чувством и выразительностью, как не смог бы исполнить и опытный скрипач.

— Теперь я убедился, что ваши рассказы, господин Моцарт, не преувеличены, — воскликнул Вентцель. — Мир должен узнать об этом чудесном музыканте...

— Вот вам доказательство того, что уже знают о нем... Вы видите эту маленькую скрипку? — и Леопольд Моцарт рукой указал на скрипку, находящуюся в руках у сына.

Мальчуган, зная, что сейчас начнется рассказ, героем которого является он сам, быстро схватил в объятия свою сестренку и, завертев ее по комнате, выскользнул вместе с ней в двери.

— Эта скрипка — подарок австрийского императора. В прошлом году Вольфганг играл уже в Мюнхене и в Вене, и вы не можете себе представить, друзья, каким успехом он там пользовался. По дороге в Вену, когда мы остановились в каком-то монастыре, Воферль во время обеда подкрался к органу и стал играть. Услышав чудесные звуки, монахи вскочили со своих мест и бросились к органу. Когда они увидели шестилетнего мальчугана, извлекающего из органа мощные звуки, они чуть не упали все от испуга. А на таможне Воферль так очаровал всех чиновников своей игрой, что наши вещи пропустили без досмотра.

Но ничто нельзя сравнить с тем успехом, которым пользовался Воферль в Вене при дворе императора. Вы понимаете, Вентцель, что мы — бедные люди — и живем только милостями великих мира сего. Других источников существования у нас нет. Все мы служим

императорам и князьям и находимся в полной от них зависимости. И если мы нравимся — наша карьера обеспечена. Воферль очень понравился императору. Он ему подарил шитый галунами кафтан с такими огромными полами, что мальчик путался в них, широкий жилет, короткие до колен панталоны, низкую шляпу и шпагу. Забавно было видеть моего Воферля в этом костюме и в напудренном парике.

Однажды император сказал Вольфгангу:

— Не удивительно, что ты играешь всеми пальцами! Вот, сыграй одним только пальцем или на клавишах, покрытых салфеткой.

В ответ на это мальчик указательным пальцем исполнил несколько очень трудных пассажей, а затем, покрыв клавиши полотенцем, начал играть так, как будто перед ним была открытая клавиатура...

— Все это хорошо и приятно, господин Моцарт, — прервал Моцарта Вентцель, — но Вена слишком мала для вашего сына. Я боюсь, что ему скоро тесен будет весь

Статуя Моцарта.

мир... И не слишком надейтесь на милости наших князей и императоров, а больше на самого себя.

...Повторяю еще раз... Только прилежным изучением всего того, что уже знаем мы, взрослые музыканты, ваш сын достигнет вершин искусства... только упорный труд поможет стать ему гением...

— Вы правы, дорогой Вентцель. Я сам на себе испытал это течение всей своей жизни. Мой отец, бедный мастер переплетного цеха, не мог мне дать ничего, кроме добрых советов. Я сам выбился в люди, и в конце концов стал лишь лакеем — музыкантом вальцбургского архиепископа. Но моего сына ждет другая, более славная, участь... Мы с ним будем упорно работать... А потом мы уедем отсюда... Мы с Вольфгангом отправляемся в путешествие и покажем всем столицам мира, на что мы способны.

2. Маленький чародей

Париж... 1763 год... Пышные залы королевского дворца... Блестящая толпа разряженных придворных толпится у дверей королевской комнаты. Надутый, ленивый Людовик XV, король французов, сидит глубоко в кресле и апатично слушает склонившегося перед ним в почтительной позе ученого Мельхиора Гримма:

— Ваше величество! Настоящие чудеса так редки, что о них охотно говоришь, когда имеешь счастье видеть их перед глазами. Зальцбургский капельмейстер, по имени Моцарт, приехал сюда с двумя прелестными детьми. Его дочь, девочка 12 лет, очаровательно играет на клавесине самые трудные вещи. Но брат ее, семи лет, — это настоящее чудо. Глядя и слушая его, не

веришь глазам и ушам своим. Он не только блестяще играет труднейшие вещи своими ручонками, не могущими даже взять шести клавиш, но он импровизирует, следуя влечению своего гения. И все это он делает с поразительным вкусом, изяществом и легкостью. Он...

— Довольно, довольно, мой дорогой Гримм,—лениво растягивая слова, произнес король. — Вы лучше покажите нам ваше маленькое чудо. Если он действительно гений, то уж наверно понравится маркизе де-Помпадур... Она ведь тоже играет на клавесине и понимает в этих вещах...

В тот же вечер маленькие Воферль и Наннерль давали свой первый концерт в обществе придворной знати в присутствии короля и королевы и самой все-сильной особы при королевском дворе — маркизы де-Помпадур. Напудренные парики и шитые золотом кафтаны окружили тесным кольцом инструмент, за которым сидел мальчуган. Ножки его далеко не достигали пола, но маленькие ручонки, быстро бегающие по клавиатуре, извлекали из инструмента звуки, от которых даже мало понимающие в музыке придворные пришли в восторг.

Он играл с листа все, что ставили перед ним и что он видел в первый раз, даже самые сложные композиции, делал с них моментально переложения, импровизировал, удивляя всех богатой мелодией и гармонией.

Одна из придворных дам подошла к ребенку и сказала:

— А если я спою тебе арию, ты сумеешь саккомпанировать мне?

— Конечно, только дайте мне первую ноту.

Дама запела, и мальчик тут же уверенно и точно воспроизвел спетую арию, придав ей своим аккомпанементом новую выразительность и мелодичность. Потом, не останавливаясь, он повторил эту арию еще несколько раз, все время меняя и усложняя аккомпанемент.

— От такого чуда можно сойти с ума! — воскликнул бывший тут же Мельхиор Гримм.

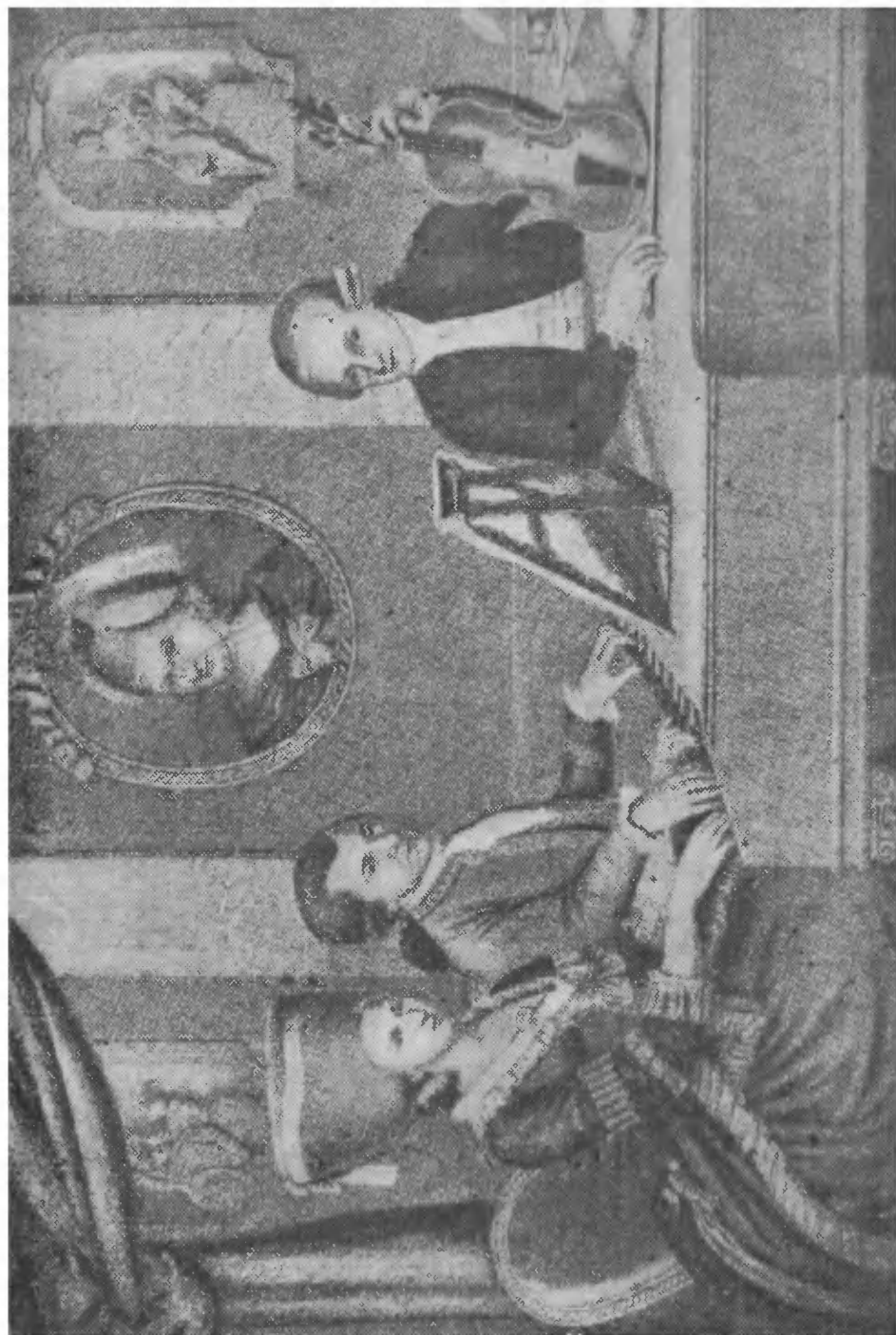
Концерты следовали за концертами, юных музыкантов осыпали подарками, а отец Моцарта не без удовольствия откладывал в свою кассу полученные за талант сына золотые луидоры. Счастливая и довольная, семья Моцартов покинула Париж и отправилась в Лондон, куда уже успела дойти слава о маленьком чародее. В чемодане отца Моцарта лежали 4 композиции его сына, отпечатанные в Париже.

Это был результат настойчивой работы самого мальчика, с головокружительной быстротой подвигавшегося вперед под руководством своего отца.

— Помни, дорогой Воферль, — произнес отец, когда карета подъезжала к Лондону, — помни, что Лондон — это не Париж. В столице Франции любят всякую новинку, все то, что в моде, все что может изумлять, поразить с первого взгляда. Но французы быстро забывают и мало ценят настоящее искусство. Не то в Лондоне. Здесь еще жив дух великого музыканта Генделя. Здесь еще теперь работает сын великого Баха, которого в Англии и любят и понимают. Там даже король Георг понимает музыку, и тебе придется не легко.

Но предупреждение отца только подзадорило юного Моцарта.

В первый же концерт, который был дан в Сен-Джемском дворце, после обычной своей игры с листа

Семья Моцарта.

игры на память и блестящей импровизации, Вольфганг заметил на клавесине лежавшие в беспорядке ноты. Он взял наудачу одни из них. Это был аккомпанемент к одной из арий Генделя. Не медля ни минуты, Моцарт сел за инструмент и воспроизвел всю пьесу, присочинив к ней прелестную мелодию, но так, что в аккомпанементе Генделя не была изменена ни одна нота.

— Это—маленький чародей,—воскликнул Бах, присутствовавший на концерте. — Он соперничает с самим Генделем.

Подбежав к Вольфгангу, Бах посадил его к себе на колени и сыграл первые такты сонаты, лежавшей на пюпитре. Моцарт сыграл следующие, и, таким образом чередуясь, они сыграли всю сонату до конца, причем нельзя было сказать, кто из двоих музыкантов — Бах или Моцарт — играет лучше.

— Сэр, — воскликнул один из присутствовавших гостей, не заметивший двойной игры, — вы играете, пожалуй, не хуже этого малыша!

— В том-то все и дело, милорд, что вы сказали правду, — ответил Бах, — ибо эту сонату мы сыграли вдвоем.

— Пожалуй, это в самом деле было бы чудо, если бы малышу было действительно семь лет, — произнес недоверчивый джентельмен. — Но мне кажется, что его папаша несколько преуменьшает его года. Не всегда маленький рост верное доказательство малых лет... Вот, например, я знавал...

Не успел милорд досказать своей глубокомысленной фразы, как в зале вдруг раздалось жалобное мяуканье. Все оглянулись в ту сторону, откуда слышались эти звуки. И каково же было удивление знатных гостей,

когда они увидали под инструментом Моцарта и рядом с ним маленькую кошечку, которую ребенок крепко держал за хвост, чтобы она не удрала от него.

Воспользовавшись спором, разгоревшимся между капельмейстером и лордом, Моцарт, заметив под клавином кошку, соскочил со стула и решил немного позабавиться. Очевидно, кошка этого желания не испытывала и стала удирать. Моцарт — за ней, под клавином, и поймал ее за хвост. Кошка мяукала и привлекла внимание всей знати к забавной картинке.

— Теперь я не сомневаюсь, что нашему маленькому чародею не более 7 лет, — со смехом сказал строгий лорд и потрепал Моцарта по щечке.

— Да, но этот чародей в свои семь лет знает то, чего другие не знают и в сорок лет, — произнес Бах и повернулся спиной к своему собеседнику.

3. На берегу Зальцаха

Прихотливой лентой вьется река Зальцах вокруг зеленого городка Зальцбурга.

Шумно и весело проводит молодежь свои праздничные дни на берегу реки. Катанье на лодках по быстрым и прозрачным водам Зальцаха, прогулки по тенистым рощам, спускающимся к реке, с живописных гор — для всего этого едва хватает времени. Но самым любимым местом для зальцбургской молодежи является недавно выстроенный тир. За 2 крейцера каждый может выстрелить из настоящего ружья и... промахнуться при общем хохоте собравшейся вокруг неудачного стрелка молодежи.

Сегодня в тире особенно весело.

Ловкий хозяин каждый раз придумывал какую-нибудь остроумную затею, которая служила приманкой для веселой молодежи. На этот раз в качестве мишени он выставил не обычные бутылки или картонных паяцов, а портрет своей дочери, славившейся во всем Зальцбурге своей красотой.

Над портретом красовалась надпись крупными буквами:

«Кто попадет пять раз подряд в ротик нарисованной девушки, получает право поцеловать один раз ротик живой девушки».

И от стрелков всякого возраста не было отбоя.

Но не так-то легко было выполнить условия конкурса и получить премию. Догадливый хозяин нарисовал ротик своей дочери такой еле заметной точечкой, что попасть в него на расстоянии 20 шагов было почти невозможно. И не мало парней с досадой отходили от стойки, безнадежно махнув рукой.

Вдруг вокруг стойки поднялось необычайное оживление. В толпу протиснулся маленький худощавый мальчик и протянул хозяину 10 крейцеров за 5 выстрелов.

— Смотрите, смотрите, стрелять будет маленький Моцарт!

— Неужели он так же хорошо стреляет, как играет?

— Как бы не так! Ружье—это не клавесин...

— Воферль, Воферль, если ты в Париже не обучался стрельбе, то лучше не пробуй...

Но маленький Моцарт не обращал внимания на все эти возгласы. Он серьезно подошел к стойке, взял ружье в свои маленькие, но сильные ручонки и, тщательно прицелясь, выстрелил в первый раз. Пулька попала в самую середину маленького ротика. За пер-

вым выстрелом последовал второй, третий, все пять,— и ни одного промаха. Пульки садились одна подле другой, разукрасив черными дырочками намалеванные губки красавицы.

— Браво, брависсимо, Моцарт! Ты получил приз,— воскликнул хозяин и подвел стрелка к своей дочери.

При общем одобрении и аплодисментах мальчуган приподнялся на цыпочках, чтобы не казаться очень маленьким, и чмокнул в губки покрасневшую от удовольствия девушку, которой было очень лестно, что ее целует тот самый Моцарт, который играл в дворцах императоров и королей.

В то время как в тире молодежь так развлекалась, в другом углу сада было чинно и тихо. Там собралась публика совсем другого рода. За кружкой пива восседали почтенные буржуа, богатые горожане города Зальцбурга, которые не снисходили до забав детей простых ремесленников и прочих граждан, добывающих себе пропитание тяжелой работой или службой.

Молча и тупо тянули они из своих кружек пиво, время от времени перекидываясь между собой фразами. На этот раз темой разговора и здесь служил маленький Моцарт.

— Вы не можете себе представить, до чего возгордилась семья этого жалкого музыкантика, герр Штумме,— промолвил один из почтенных буржуа. — После возвращения из Парижа и Лондона Леопольд Моцарт думает, что выше его сына нет никого во всем Зальцбурге.

— Вы правы, герр Думме! Эта поездка не послужит им к добру. Наш добрый архиепископ не очень-то любит таких выскочек...

— Особенно если они из низкого сословия... Вы подумайте! Музыкант придворного оркестра, сын какого-то переплетчика и... возомнил, что ему место рядом с нами, знатными людьми города Зальцбурга.

— Ну, этому не бывать! Мы сумеем поставить их на свое место. И пусть его сынок играет, как сам господь бог, все равно из него не выйдет никакого толка, не правда ли, герр Думме?

— Правда, правда... Но вот они сами идут сюда... Пожалуй, можно их подозвать... Ведь, как-никак, а они были во дворце нашего дорогого императора, и сама Мария Тереза разговаривала с ним... Не знаешь, пожалуй, как теперь и разговаривать с ним. Сказать ему «ты», как это полагается с такими простаками, неудобно...

В это время маленький Вольфганг в сопровождении своего отца поровнялся со столиком, за которым сидели надменные зальцбуржцы. Кивком головы один из них подозвал к себе мальчика, и когда тот подошел, небрежно спросил его:

— Ну, мальчуган, как мы попутешествовали? Много почестей мы заслужили?..

— Виноват, майн герр, — прервал его Вольфганг, — но я не помню, чтобы мы путешествовали и давали концерты вместе с вами. Кроме Зальцбурга, я вас нигде не видел.

И взяв за руку отца, Вольфганг быстро отошел от оторопелых бюргеров.

Герр Думме посмотрел недоумевающим взглядом на герра Штумме,

— Вот после этого и обращайтесь вежливо с такими негодяями!.. Нет, нет, прав наш архиепископ, когда

не подпускает их к своей особе. Но об этом дерзком мальчике я не забуду... Он еще вспомнит меня!

Моцарт и его отец в это время подходили уже к своему дому.

— Ты, пожалуй, был слишком неучтив с этими господами, Воферль.

— Так им и надо, папа, они издеваются над нами и думают, что оказывают нам честь своими разговорами...

Не успел мальчик закончить своей фразы, как из дверей выбежала Наннерль и, запыхавшись, выпалила:

— Папа, здесь без тебя приходили от архиепископа с предписанием немедленно вместе с Вольфгангом явиться ко двору.

— Что ему надо от нас?—воскликнул Леопольд Моцарт недовольно.—Опять какая-нибудь неприятность.

Быстро переодевшись в придворные костюмы, отец и сын с беспокойной душой направились ко двору архиепископа.

Стража пропустила их беспрепятственно: очевидно, архиепископ уже ждал их.

Сидя в своем кресле, властитель города Зальцбурга, архиепископ Иероним, острым и неприязненным взглядом своего правого глаза окинул вошедших. Левый глаз его был закрыт, и от этого его серое, болезненное лицо выглядело особенно неприятно.

— Наш дорогой император,—начал он своим скрипучим голосом, не поздоровавшись даже с вошедшими,—прослышав об успехе твоего сына, Моцарт, приглашает его явиться снова к себе... Но помни,—вдруг визгливо вскрикнул архиепископ,—что и ты и твой сын находитесь на службе у меня. Ты—мой капельмейстер, а он—мой скрипач. Я его с сегодняшнего дня

назначаю скрипачом... Он будет получать 12 флоринов и 30 крейцеров... да, и 30 крейцеров в год. Поэтому к нашему любимому императору отпускаю вас я... а потом возвратитесь снова ко мне... Но раньше, чем вы уедете, твой сын должен написать для меня ораторию...

Архиепископ позвонил в серебряный колокольчик. Вошел слуга и стал перед Иеронимом на колени.

— Проведи мальчика в нижнюю комнату. Запри его, давай ему есть и не выпускай прежде, чем он не кончит сочинять. Ступайте!..

Приказание архиепископа было немедленно исполнено. Опечаленный Леопольд Моцарт ушел домой один, а маленького Моцарта заперли на замок.

Через неделю оратория Вольфганга Моцарта, сочиненная им в марте 1766 года, 10 лет от роду, была закончена.

Выпущенный из-под замка мальчуган, не помня себя от радости, помчался домой.

4. Завистники

Директор итальянского оперного театра в Вене синьор Аффлиджио взволнованно шагал по своему богато, но неряшливо обставленному кабинету. В первый раз в своей жизни он был в затруднении, из которого не мог сразу найти выхода.

— Вы посудите, — говорил он, обращаясь к сидевшим на плюшевом с позолоченной спинкой диване двум посетителям, — вы посудите, многочтимые господа, как могу я отказаться от постановки оперы Моцарта, если она написана по заказу самого императора, который вызвал Моцарта в Вену? Ведь это скандал!

— Дорогой Аффлиджио, скандалом будет не ваш отказ от этой, с позволения сказать, оперы, а ее постановка в вашем театре.

Аффлиджио вопросительно посмотрел на того, кто произнес эту фразу.

— Да, да, не удивляйтесь,—продолжал свою речь сидевший на диване господин. — Неужели вы думаете, что наши артисты, наши оркестранты согласятся петь и играть под управлением двенадцатилетнего мальчугана?.. А публика? Ведь она будет оскорблена, когда увидит в качестве дирижера этого молокососа!

— Но, говорят, майн герр, что опера «Притворная простушка», написанная Моцартом, блещет всеми достоинствами настоящего музыкального произведения. Ее слушали в придворных кругах, у графа Кауница, у герцога Браганцкого,—и всюду, как говорят, она имела колоссальный успех.

Собеседник Аффлиджио поднялся с дивана и, подойдя ближе к директору, обнял его за талию.

— Ну, мой милый, разве вы не знаете, что об опере будут говорить то, что захотим мы, постоянные посетители вашего театра? Суждения публики делаем мы, музыканты и профессора музыки! Нам этот гениальный мальчик надоел... С ним надо покончить, и теперь для этого самый подходящий случай. Граф Кауниц и герцог Браганцкий не очень-то заинтересованы в Моцарте. Они охотно слушают его, но палец о палец не ударят, чтобы поддержать его. А нам нужно раз навсегда покончить с этой сказкой о гениальности Моцарта.

— Да, но император...—произнес все еще колеблющийся директор.

— Император скажет то, что скажем ему мы — знатоки музыки. Мальчик двенадцати лет не справился с порученной ему задачей — вот и все. Это ведь так похоже на истину... Ведь вы знаете, что за последнее время только и разговоров о том, что все сочинения маленького Моцарта написаны не им, а его отцом. Он и выдает их за сочинения своего сына, чтобы сделать ему карьеру...

Аффлиджио недоверчиво посмотрел на говорившего.

— Да, да, и чтобы вы были убеждены в этом, я привел к вам своего друга, господина Думме, только что приехавшего из Зальцбурга, пусть он вам расскажет... Позвольте представить вам: синьор Аффлиджио — господин Думме.

Сидевший до сих пор молча на диване надменный зальцбуржец привстал и поклонился директору.

— Могу вас заверить, синьор Аффлиджио, что семейство Моцарта — спекулянты и мошенники. Это в Зальцбурге давно всем известно, и, я не сомневаюсь, скоро дойдет и до Вены. Нам доподлинно известно, что опера «Притворная простушка» — произведение отца Моцарта, но старик идет на все, лишь бы зашибить деньгу. И я самолично явился сюда, чтобы рассеять ложь и восстановить истину.

Синьор Аффлиджио прекрасно понимал всю ложь и гнусность этих выдумок, которые изобретали враги Моцарта с одной лишь целью — устранить юного гения со своего пути. Живя неподалеку от Моцартов, Аффлиджио не раз был свидетелем того, с каким упорством Вольфганг работал над своей оперой, сколько дней и ночей он проводил над нотной бумагой для того, чтобы достигнуть совершенства... Но для почтен-

ного директора имело значение только одно — деньги, и всякое рискованное предприятие было ему не по душе.

Постановка оперы Моцарта при недоброжелательном отношении к ней венских музыкантов была именно таким рискованным предприятием, — и он в глубине души решил отказаться от нее.

Сделав вид, что доводы гостей его вполне убедили, он протянул им обе руки и горячо произнес:

— Вы правы, друзья мои, я не могу давать место в моем театре всяким проходимцам. Опера Моцарта не будет поставлена. Очень, очень благодарен вам за дружеский совет.

Гости и хозяин, любезно простившись, расстались, довольные результатами своей беседы.

Не прошло и получаса, как в двери кабинета Аффлиджио раздался громкий стук, и вслед за ним на пороге выросла крупная фигура Леопольда Моцарта.

— Ну, господин директор, дадите вы мне, наконец, ответ, когда будет поставлена опера моего сына? Мы не можем больше ждать здесь, наши средства подходят к концу.

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой господин Моцарт! Ведь если бы от меня что-нибудь зависело, опера вашего гениального сына уж давно была бы поставлена... Но вы понимаете, опера еще не закончена, артисты не разучили партий, оркестр не подготовлен. Я прямо замучился... Но я обещаю вам..

— Довольно обещаний, — резко прервал его Леопольд. — Либо вы назначите день постановки, либо я обращусь с жалобой к самому императору...

Синьор Аффриджио понял, что дальше изворачиваться нет смысла. Он быстро повернулся к Моцарту и многозначительно произнес:

— Извольте, господин Моцарт, если вы хотите опозорить вашего сына, я берусь поставить эту оперу, но я же ее и провалю!

Моцарт остолбенел от удивления и гнева. Придя в себя, он тихо сказал:

— На этот раз вы выиграли. Я не хочу рисковать репутацией моего сына... Но мы еще посмотрим!

Возмущенный и оскорбленный, Леопольд побрел в гостиницу, где остановился с Вольфгангом. Мальчик сидел за клавесином и играл. Увидя отца, он тотчас же по его лицу понял, в чем дело, и когда отец мрачно сказал ему:

— Все композиторы и пианисты Вены в заговоре против тебя... Надо победить или умереть!.. — Вольфганг ласково стал утешать его:

— Не горюй, отец! Вот скоро состоится мой концерт в Сиротском доме. Этому уже никто не помешает, только что был у меня директор и предупредил, что этим концертом буду дирижировать я сам и что весь двор вместе с императором Иосифом будет на этом концерте. Я уже закончил его. Хочешь, я сыграю тебе?..

Весь остаток дня отец и сын провели вместе у клавесина.

— Мы все же победим! — воскликнул Леопольд, прослушав игру сына.

Когда через два дня при громадном стечении публики маленький Моцарт дирижировал своим новым концертом, восторгу собравшихся не было предела. Осыпанный похвалами и подарками, Вольфганг сошел

с дирижерского пульта и радостно бросился к своему отцу. В эту минуту к ним подошел один из злейших врагов Моцарта, венский профессор музыки, и дрожащим голосом произнес:

— Как честный человек, я должен сказать, что этот ребенок—самый великий человек настоящего времени. Я прежде не мог этому верить.

5. Член академии и рыцарь золотой шпоры

Низки и мрачны своды старинной музыкальной академии в Болонье. Маленькие решетчатые окна, находящиеся чуть ли не у потолка, едва-едва пропускают лучи весеннего солнца. В громадной темной зале холодно и неприветливо. Почти теряясь в этой мрачной пустоте, за большим круглым столом, покрытым темно-красным сукном, восседают знаменитейшие и ученейшие музыканты Италии.

Заседание еще не началось. Все ожидают президента академии, падре Мартини, слава о котором гремит по всей Европе и приговор которого не может быть оспорен никем в мире.

Тихо переговариваются между собой ученые мужи:

— Я не особенно верю в этого новоявленного немецкого гения,—шепнул один из них на ухо своему соседу, преклонному старцу, приставившему ладонь к уху, чтобы лучше расслышать слова говорившего.— Чем может поразить нас варварская Германия? До сих пор никто из них не переступал порога нашей академии.

— Говорят к тому же, что этому гению только 14 лет. Представляю себе его ученические упражнения. И мы, ученейшие музыканты, должны разбираться во

всей этой пачкотне... Не знаю, о чем думал падре Мартини!

— Не забывайте,—вставил другой член академии, Валотти, услышавший последние слова старца, что наша академия открыта для всех, кто желает получить почетное звание музыканта. А юный Моцарт, насколько я знаю, не новичок в музыке. Мы же [должны судить без пристрастия и без предубеждения...

Слова Валотти были прерваны приходом служителя, предупредившего присутствующих о приближении президента академии.

Двери распахнулись, и, опираясь на палку, в залу вошел седовласый падре Мартини. Несмотря на свой преклонный возраст, он бодрыми и твердыми шагами подошел к столу и занял место председателя.

— Введите почтенных синьоров!—приказал он служителю.

Через маленькую боковую дверь смотритель ввел в залу Леопольда Моцарта и его сына. Отец не мог скрыть охватившего его волнения в этой новой, необычайной обстановке. Всюду, во дворцах королей, в залах театров, он был спокоен за своего сына, но здесь, перед этим собранием учнейших мужей, его впервые охватило сомнение.

Он был бледен и весь дрожал мелкой дрожью. Вольфганг крепко ухватил руку отца и держал ее все время, пока президент кивком головы не пригласил его подойти к столу.

С приветливой улыбкой, гордо подняв свою голову, весь сияя и радуясь, подошел Вольфганг к судилищу.

— Синьорино Амадео!—начал мягким голосом Мартини.—Нас не интересует ни твоя виртуозность, ни твой

импровизаторский талант, ни даже твое умение быстро читать с листа партитуры. Это все хорошо для падкой до чудес публики. Мы же — ученые, нас интересуют твои познания в музыке, и ты должен показать нам, насколько ты силен в гармонии и в композиции... Падре Валенто, — обратился Мартини к секретарю собрания, — передайте синьорино Амадео задачу.

Секретарь вынул из папки запечатанный семью печатями конверт и, подавая его Вольфгангу, сказал:

— Вот вам задание! Здесь тема для фуги, которую никто из нас не знает. Разработайте ее письменно и за клавесином. Для этого вам дается 6 часов. Срок, достаточный для хорошего музыканта.

И, обратившись к служителю, он добавил:

— Уведите синьорино Амадео в комнату для испытуемых.

— А вы, — сказал он Леопольду, — удалитесь в комнату ожидания.

Отец и сын обменялись едва заметным взглядом и разошлись в противоположные стороны, один — с тем же радостным лицом, другой — с сердцем, полным тревоги.

Не прошло и получаса, как в зал вошел служитель.

— Падре, — обратился он к Мартини, — мальчик стучит в дверь и просит, чтобы его выпустили.

— Наверно понял, что задача ему не под силу, — пробормотал тот самый старик, который не верил в немецкий талант.

— Узнайте, что ему нужно, — строго произнес Мартини.

Служитель вышел и через несколько минут вернулся. Лицо его было взволнованно, он даже забыл все правила этикета, и, быстро подбежав к столу, едва произнес:

— Мальчик говорит, что он уже кончил.

Точно ветер, пронесся по залу шопот удивления.

— Это невозможно!

— Мальчик смеется над нами!

— Это непостижимо!

Один только падре Мартини остался невозмутимым и спокойным.

— Выпустите мальчика и приведите его сюда.

Вольфганг вошел и протянул Мартини конверт с исписанным листом.

— Иди к своему отцу, Амадео, и жди нашего решения.

Томительные минуты провел Леопольд Моцарт в ожидании этого решения. Ни беспечность сына, ни его уверения, что задача была легкая, не могли успокоить старого капельмейстера. Он понимал, что решается судьба его сына.

Зазвенел колокольчик, и, едва понимая, что происходит вокруг него, Леопольд вместе с сыном вошел в залу.

Лица присутствующих повернулись в сторону вошедших.

Падре Мартини встал и подошел к Вольфгангу:

— Синьорино Амадео! То, что ты сделал в течение получаса, не мог бы сделать ни один из нас, ученейших и знаменитейших музыкантов, в течение 6 часов. Ты превзошел всех нас, и мы склоняем наши головы перед твоим гением. Ты достоин войти в нашу ученую коллегию. Приветствуем тебя, член Болонской академии!

Потрясенный Леопольд, не помня себя от радости, бросился на шею своего сына и стал его целовать, обливаясь слезами.

— Воферль, Воферль, мой любимый Воферль, а в Вене говорили, что мы шарлатаны!..

Слава о новом члене академии разнеслась по всей Италии. Миланская опера, писать для которой счи-

Моцарт четырнадцати лет.

тали за честь лучшие музыканты, заказала Моцарту оперу. Папа римский пригласил Вольфганга в Рим, чтобы послушать его.

И когда, сидя в возке, отец и сын подъезжали

к зоротам вечного города,¹ Леопольд тихо поучал мальчика:

— Италия — это обетованная страна для музыкантов. Нет и не может быть музыканта, если его не признает Италия... Тебе еще предстоит поработать, мой славный мальчик.

— Папа, а мы попадем в Ватикан? Я хочу услышать знаменитое церковное сочинение Аллегри. Говорят, что ноты этого сочинения хранятся у самого папы, и никто, ни один человек не имеет права списать их... Я должен услышать эту музыку! Она должна меня многому научить...

— Непременно услышишь, Воферль! Мы попадем в Рим как-раз в праздник, когда в Ватикане исполняют ее.

Публика стекалась в Ватикан, где должно было исполняться духовное сочинение Аллегри, играемое только один раз в год. Римский папа ревниво оберегал это музыкальное произведение, и строгая кара ждала того, кто перепишет эти ноты или даже покажет их постороннему. Среди слушателей были, конечно, Моцарт с сыном.

Напряженно слушал Вольфганг это замечательное произведение, и ночью, когда отец спокойно спал, мальчик что-то прилежно записывал в свою нотную тетрадь.

На утро, перед тем как уйти, Вольфганг протянул отцу свою запись и, хитро усмехаясь, сказал:

— Отец, этот подарок мы пошлем нашей Наннерль... Она будет первым человеком после папы, имеющим ноты Аллегри.

¹ Так называли Рим.

Взглянув на ноты, отец присел. Перед ним была точная, нота в ноту, запись слышанного вчера сложного многоголосного произведения композитора Аллегри.

— Это не может быть, это не может быть... — растерянно шептал старик.

Не понимая, что он делает, и не думая о последствиях, Леопольд схватил ноты и быстро выбежал на улицу, увлекая за собой и сына. Через полчаса он был уже в Ватикане у своего приятеля, певчего капеллы, Кристофори.

— Скажите, Кристофори, верно ли все это? Не чудо ли это?

И когда Вольфганг сыграл перед Кристофори то произведение, в котором певчий вчера сам участвовал, Кристофори чуть не упал со стула.

— Об этом надо доложить папе! — пробормотал он.

И неизвестно, что скрывалось под этими словами: угроза или ожидание награды.

Когда Вольфганг вскоре после этого выступил перед римским папой, повторил перед ним музыку Аллегри и сыграл свои собственные импровизации, папа сказал своим кардиналам:

— Не наказать, а наградить мы должны этот талант!

И он пожаловал Вольфгангу орден рыцаря золотой шпоры, высшую награду, которую до него получил лишь знаменитый композитор Глюк.

С красной ленточкой и с орденом, болтающимся на груди, предстал юный Моцарт в Неаполе на концерте пред учениками консерватории. Необыкновенная для того времени техника, необычайная мелодичность и звучность игры Моцарта привели неаполитанцев в нео-

писуемое изумление. Слушателям была непонятна эта сила в мальчугане. И когда один из них заметил на пальце играющего музыканта большое кольцо, суеверный неаполитанец решил, что вся сила Моцарта—в этом кольце.

— Долой кольцо!—заревел он на всю залу.

— Долой кольцо! Долой кольцо!—в исступлении поддержали его остальные.

Моцарт спокойно снял «талисман» и продолжал играть как ни в чем не бывало. Восторгу слушателей не было предела, они вынесли мальчика из зала на руках...

В шуме, в волнениях и в тревоге итальянских дней Моцарт не забывал писать оперу, которую ему заказал Миланский театр. Она была готова, когда настал срок поездки в Милан.

В этот прославленный на весь мир своими певцами и своей музыкой город Моцарт повез свое новое произведение, большую оперу — «Митридат, царь понтийский».

— Синьора Бернаскини,—говорил Моцарт в первый же день свидания со знаменитой певицей, которая должна была петь главную партию,—мне говорили, будто вы сомневаетесь в том, я ли сочинил для вас арию из третьего акта. В таком случае только полчаса терпения...

И тут же при артистке Вольфганг записал три новых арии, одну красивее другой.

— Выбирайте, какая вам больше нравится.

В порыве восторга певица расцеловала личико 14-летнего композитора.

Опера была представлена и имела колоссальный успех. Но больше всех, кажется, был доволен переписчик нот, у которого нарасхват раскупали копии

отдельных арий из оперы, что дало ему не малый доход. Поэтому он особенно охотно и искренно присоединил свой голос к доносившимся из театрального зала бурным крикам:

— Да здравствует юный маэстро!

6. Гений в ливрее

Прошли годы... Моцарт—уже не мальчик, ему 22 года. Его гениальность признана всюду, но только не на родине. После своего триумфа в Италии он вернулся в Зальцбург. Очень требовательный к себе, он весь ушел в работу над новыми произведениями, но для него был невыносим затхлый воздух мещанского городишки, где архиепископ держал его около себя точно на привязи. Три года жизни в Зальцбурге, на нищенском положении, были для Моцарта мукой. Ему необходим был вольный воздух чужих стран, но архиепископ наотрез отказался дать отпуск. Моцарт подал в отставку, и на этот раз вместе с матерью отправился снова по белу свету, чтобы упрочить свое материальное положение.

Но ожиданиям Моцарта не суждено было сбыться. Всюду и везде он сталкивался с тупой и самодовольной знатью, которая единственными достоинствами человека считала деньги и происхождение.

В Мюнхене курфюрст пренебрежительно заявил, что он не принимает к себе на службу выгнанного из Зальцбурга музыканта. Друзья стараются помочь Моцарту, устраивают ему концерт, который сопровождается шумными восторгами и овациями. Но отец предостерегает сына от увлечения этой мишурой и пишет ему:

«Прекрасными фразами, похвалами и овациями не заплатишь ни за проезд, ни за квартиру!..»

И Моцарт едет дальше. В Аугсбурге над ним насмехается группа местных аристократов, к которым Моцарт обратился с просьбой устроить его концерт. В Мангейме против него ополчается весь музыкальный мир во главе с бездарным капельмейстером Фогелем, ненавидевшим Моцарта за его гениальность.

— У нас нет места для зальцбургских шарлатанов,— надменно заявляет Фогель, и закрывает перед Моцартом дверь.

И так везде... Игрой гения восхищаются, он имеет колоссальный успех, но места ему нигде не дают. С ним обращаются грубо, свысока, называют его на «ты» или, что еще оскорбительнее, в третьем лице, заставляют месяцами ждать ответа, и в конце концов презрительно отказывают во всем.

— Воздух Германии не для меня! — горько восклицает Моцарт.— В Париж! В Париж! Туда, где протекало мое счастливое детство,туда,где меня впервые признали...

Но и Париж не принес с собой ничего хорошего. Чему удивлялась парижская знать, когда слушала шестилетнего Моцарта? Чем был для нее Моцарт? Не гением, а лишь игрушкой, забавой, которой восхищались, которую осыпали подарками и ласками, чудесным ребенком, которого можно было поцеловать и затем забыть.

Чем теперь был Моцарт? Маленьким, невзрачным, худощавым человеком, который не умел ни встать, ни поклониться, ни говорить комплименты. И вдобавок без гроша в кармане. Правда, у него был огромный талант, но это не могло иметь успеха у королевского Парижа, знавшего только забавы и пиры.

Этот Париж не мог оценить Моцарта. Часами простаивал музыкант в холодной, нетопленной приемной графини Шабо, имевшей влияние при дворе, в ожидании, когда графине заблагорассудится послушать игру

Неоконченный портрет Моцарта.

композитора. А когда он с озябшими от мороза пальцами, дрожа и весь ежась от холода, все же играл свои гениальные композиции, графиня Шабо занимала своих гостей и едва ли слышала гениальную музыку.

— Зубы у меня стучали, я весь дрожал,—жаловался Моцарт своим друзьям,—но я играл, играл... для стульев, столов, стен. И ни для кого больше!

В легкой одежде, быстро шагал он по немощеным улицам Парижа из одного конца в другой, давая уроки бездарным детям титулованных особ, только чтобы получить жалкие гроши для себя и своей старушки матери, жившей с ним в Париже. Такая жизнь была по силам молодому Моцарту, но ее не могла перенести старуха. Она тяжело заболела и после двух недель страданий умерла. Моцарт похоронил свою мать на парижском кладбище, и остался одиноким в чужом, неприветливом Париже.

«Ты должен немедленно вернуться в Зальцбург,—пишет ему в это время отец,—я добился для тебя прощения у архиепископа, и тебя ждет здесь место. Приезжай, мой дорогой Воферль!»

И Воферль собирает свои чемоданы, туго набитые музыкальными произведениями, сочиненными им за годы странствования, и едет к себе, в ненавистный, но родной Зальцбург.

«Лучше маленький, но верный кусочек хлеба», думает про себя старик Моцарт, ожидая приезда сына.

Старый отчий дом, ветхий забор, мостик через Зальцах, упирающийся прямо в горы, кухарка Амальхен, умеющая так вкусно готовить любимые Воферлем кушанья, даже жирный облезлый кот—все это наполнило умилением сердце странника, вернувшегося на родину после своего тяжелого путешествия.

Отец и Наннерль окружили Вольфганга заботами, и он снова воспрянул духом. А когда его вызвал к себе архиепископ и передал ему, что курфюрст Мюнхен-

ский, тот самый курфюрст, который когда-то отказал ему в месте, заказывает теперь ему оперу для карнавала, — Вольфганг понял, что его не только не забыли, но что в нем нуждаются.

— Я очень рад его видеть, — пренебрежительно обращаясь к Моцарту в третьем лице, сказал ему курфюрст, когда прослушал отрывки из новой оперы «Идоменей», написанной музыкантом со сказочной быстротой. — Опера будет прелестна. Она ему сделает много чести. Не могу поверить, что нечто столь великое может уместиться в такой маленькой голове.

Моцарт не чувствовал теперь этих маленьких уколов его самолюбия. Он творил, он был счастлив. Вена говорила лишь об одном — о постановке новой оперы Моцарта. Эти слухи донеслись и до Зальцбурга, и старик отец вместе с дочерью приехали из Зальцбурга на первое представление. Притаившись в уголке оркестра, слушая и не веря ушам своим, старый Леопольд, как настоящий музыкант, понимал, что новое произведение его сына превосходило все, что было написано им раньше.

Публика кричала, бесновалась, топала ногами от восторга, но старик тихо шептал про себя:

— Гений... гений... он перевернул всю музыку.

И вдруг удар грома среди ясного неба...

— Отец, меня снова вызывает к себе архиепископ Зальцбургский, — заявил через несколько дней после первого представления Вольфганг своему отцу. — Он услышал о моем успехе и требует, чтобы я вернулся... Он теперь в Вене... надо ехать...

— Надо ехать... — печально повторил старик.

В маленькой каморке, рядом с кухней и лакейской, поместил архиепископ своего гениального музыканта.

11 часов утра. Для придворной челяди время обеда. В кухне за столом разместились на первом месте два камер-лакея, за ними придворный счетовод, кондитер, два повара, Чекарелли и Брунетти, и на последнем месте—придворный музыкант Моцарт.

— Господин Моцарт! — сухо и надменно произнес главный камер-лакей,—его преосвященство архиепископ приказал передать вам, что без его разрешения вы не должны выступать ни на одном концерте. Он вам запрещает.

Моцарт, чуть побледнев, опустил глаза.

—А если на то и будет его милостивое разрешение,— продолжал камер-лакей, насмешливо глядя на музыканта,—то сопровождать вас на концерт буду я или вот он.

И лакей глазами указал на своего соседа.

— Ого-го!—весело засмеялся придворный счетовод.— Совсем как важный барин! Впереди музыкант Моцарт, а за ним—камер-лакей.

— Ну, не очень-то я хотел бы быть придворным музыкантом, — заметил иронически кондитер, — мы-то с вами можем выступать где нам угодно, — а вот по-пробуй-ка он выступить, тут-то его и сцапают! Ха-ха-ха!

— Крепко наш бычок привязан на веревочке,—добавил кондитер и вытер салфеткой свои жирные от еды губы.

Моцарту стало не по себе. Он в волнении встал из-за стола, чтобы уйти. Повар Брунетти, единственный из всех присутствующих сочувственно относившийся к Моцарту, ласково задержал его руку.

— Не обращайтесь на них внимания, господин Моцарт. Они ведь ничего не понимают...

И потом тихо добавил:

— Сегодня с утра я слышал, как граф Арко наказывал камер-лакею зайти за вами в 7 часов, чтобы отвезти вас на вечер к князу Голицыну... Уж лучше вы сами раньше уходите туда... Все равно хуже не будет...

Моцарт горячо пожал руку Брунетти. Весь день он бродил по городу, и вечером, не заходя домой, отправился во дворец князя Голицына, где играл свой последний концерт. На утро композитора вызвали к архиепископу.

— Ты, ты смел ослушаться моего приказа, — накинулся на Вольфганга архиепископ. — Негодяй, поедает мой хлеб, а развлекать идешь других!.. Завтра же отправляйся в Зальцбург и жди там моих приказаний!..

— Ваше преосвященство, но я не могу уехать... У меня работа, уроки... Мои издатели...

— К черту твою работу. У тебя может быть только одно дело — служить мне. Болван! Олух!

— Насколько я понимаю, ваше преосвященство, вы недовольны мною?

— Что, угрозы? Ты... ты... угрожаешь мне? Вон, подлец! Я не желаю иметь дело с бездельниками.

— И я не желаю иметь дело с вами.

— Убирайся вон!

— Прекрасно, я завтра подаю в отставку.

Моцарт, едва сдерживая себя, вышел из комнаты. Но за дверью спокойствие его оставило — он весь горел, дрожал всем телом и, шатаясь, брел по улице точно пьяный.

На следующий день он поднялся наверх, в покои архиепископа, чтобы подать прошение об отставке. На лестнице его встретил придворный церемониймейстер граф Арко.

— Как, ты еще здесь, щенок?—грубо крикнул граф и схватил Моцарта за воротник кафтана. — А ну-ка, убирайся,—и пинком ноги граф Арко толкнул Моцарта с такой силой, что он упал.

Едва помня себя от стыда и гнева, Моцарт убежал из дворца. В тот же вечер он перебрался в маленькую комнату у вдовы Вебер, и вечером, сидя со старушкой и ее дочерью Констанцией, рассказал им обо всем, что произошло с ним во дворце архиепископа.

— Я — не князь и не граф, фрау Вебер, но благородства во мне больше, чем у всех у них вместе взятых...

7. В расцвете славы

— Констанца, моя милая Констанца, теперь я свободен, свободен, как птица! Ты понимаешь, что это значит? Я не завишу ни от архиепископа, ни от графа Арко, я могу писать и играть когда мне угодно, идти куда хочу, даже в Пратер,¹ в мой любимый кабачок «Трех лебедей», где вино так сладко и где можно веселиться до утра...

— И, главное, не подметать покоев его преосвященства архиепископа или убирать со стола графа Арко, — добавила Констанца, молоденькая девушка, с живыми черными глазами и приятным мягким голосом.

— Но всеже, Вольфганг, — продолжала она, — ты не очень-то увлекайся своей свободой... Дай-ка мне твою записную книжку!

¹ Название парка в Вене.

Моцарт протянул девушке маленькую памятную книжку, где на первой же странице мелким почерком был записан распорядок дня Моцарта.

— Вольфганг, ты что, с ума сошел? Ведь сегодня первое представление твоей оперы!..

— Помню, помню... Сегодня, 12 июля, — «Похищение из Сералея», — завтра концерт у Голицына, через 2 дня — академия у графини Тун, 16 июля — трио у Сальери, а 20 июля я играю во дворце мой новый концерт... А вот здесь, ты разбираешь, что здесь написано?.. А ну-ка прочитай!

Вольфганг протянул девушке записную книжку. Констанца посмотрела на запись и густо покраснела.

— Ага-га! Теперь ты забыла! Ну, так я тебе прочитаю: «3 августа — наша свадьба».

— Вольфганг, меня очень огорчает...

— Что? Наша свадьба? — со смехом перебил ее Моцарт.

— Да замолчи же, говорун! Меня огорчает отношение твоего отца к этой свадьбе. Ведь он против нее, и ни за что не хочет, чтобы я стала твоей женой...

— Нет, Констанца, не то! Отец против свадьбы, потому что считает меня недостаточно обеспеченным. Ты

Констанция Моцарт (жена композитора).

ведь знаешь, он человек старых правил, и все время твердит мне: «Если у тебя нет твердого положения и жалованья, ты не имеешь права жениться». Только поэтому он и сердится на меня... Но он очень добрый старик, и после свадьбы мы непременно поедem к нему... А теперь, пора одеваться. Мне надо поспеть в театр раньше начала... Там ждет меня Сальери... Надо подготовиться, ведь сегодня будет присутствовать сам император.

— Не нравится мне твой Сальери... Что-то у него всегда на уме недоброе... Говорит вслух льстивые слова, а сам смотрит волком... Весь черный, глаза злые-презлые.

— Тебе, Констанца, сегодня никто не нравится,— донесся из другой комнаты голос Моцарта, переодевавшегося к вечернему выступлению.—И отец нехорош, и Сальери злой... Нет, ты просто брюзжишь. Пожалуй, повеселеешь после оперы. Ну, до скорого свидания,— закончил Моцарт, входя в комнату и нежно целуя свою невесту,— я жду тебя...

И быстрым шагом Моцарт выбежал на улицу...

Большой зал венской оперы весь залит огнями нескольких тысяч свечей. Представление еще не началось, но уже не было ни одного пустого места: вся венская знать, все профессора и знатоки музыки пришли, послушать новую оперу прославленного композитора Моцарта. Ждали лишь императора, чтобы начать увертюру. У дверей императорской ложи стояли два одетых в черное придворных.

—Послушайте, Страк,—тихо произнес один из них,— император подготовлен к тому, чтобы не очень-то во-

сторгаться оперой Моцарта? Ведь вы знаете, что с той минуты, когда император Иосиф поймет, что такое Моцарт, наша карьера с вами окончена.

— Будьте спокойны, господин композитор, я отгородил Моцарта от императора высокой стеной. Все, что он говорит о Моцарте, он говорит лишь с моих слов... В этом вы убедитесь сегодня...

— Да, но вы понимаете, что эта опера прекрасна,—задумчиво произнес тот, кого Страк, музыкант-камердинер Иосифа, назвал композитором. — И я боюсь...

— Не бойтесь... Императору нравятся лишь легкие итальянские мелодии, а Моцарта он считает ученым, но скучным музыкантом... Ведь ему отказали даже в месте учителя детей императора. А места придворного композитора ему не видать как своих ушей... Оно за вами, пока вы живы, об этом уж позабочусь я!

— Тише, тише, Страк, сюда идет Моцарт...

— Мой дорогой Сальери! Наконец-то я вас нашел!—радостно воскликнул Моцарт, протягивая вперед руки.— Добрый вечер, Страк. Ну, что вы предсказываете мне сегодня?

Антонио Сальери.

— Опера будет иметь колоссальный успех, Моцарт. Она — бессмертное произведение.

— Сальери! Вы только один способны понять меня. Ведь это же первая немецкая опера. До сих пор мы были в плену у итальянцев, в том числе и у вас, дорогой Сальери. Это — очень приятный плен, но надо же нам когда-нибудь создать свою, немецкую, оперу...

— И вы, Моцарт, первый ее создатель! Я приветствую и восхищаюсь вами, — и Сальери низко поклонился растерявшемуся от неожиданности Моцарту.

— Тише! Император... — прошептал Страк, и быстро проскользнул в темноту ложи.

Моцарт и Сальери разошлись.

Зал погрузился во мрак. Поились ясные, прозрачные, как горный ручей, звуки моцартовских мелодий. Весь зал затаил дыхание. С каждым номером, с каждой арией восторг публики рос. Все были поражены новой гармонией оригинальных и неслыханных сочетаний духовых инструментов, как будто все, что было до этого, не было музыкой.

Опера кончилась. Император, рядом с которым стояли Страк и Сальери, приказал позвать Моцарта.

— Очень, очень мило, но слишком тонко для наших ушей, дорогой Моцарт!

На лице Сальери промелькнула довольная улыбка. Он бросил еле заметный взгляд на Страка, стоявшего молча и неподвижно.

— И кроме того, слишком много нот, мой милый, — добавил император и потрепал Моцарта по плечу.

— Ровно столько нот, сколько нужно, ваше величество, — спокойно ответил композитор, кланяясь императору.

— Шутник!—бросил на-ходу Иосиф, выходя из ложи.

За ним последовал Страк. Сальери задержался и, бросившись к Моцарту, схватил его за руку.

— Вы—гений, Моцарт! Это знаю я...

Моцарт стоял, печально опустив голову... Надежда на получение постоянного места придворного композитора опять рассеялась, как дым.

— Ну что ж, не теперь, так после!—воскликнул никогда не унывавший Моцарт.—Лишь бы хватило времени...

А времени, действительно, было очень мало. После свадьбы Моцарт весь ушел в работу. Творил он с лихорадочной быстротой, почти каждый вечер выступал где-либо в концертах и, кроме того, давал уроки почти всем, кто просил его об этом. А денег все нехватало. Он щедро оделял ими каждого, кто к нему обращался за ними, ни мало не заботясь о возврате.

Часто в зимние вечера, сидя у себя в комнате вместе с женой, Моцарт должен был отрываться от работы и пускаться в пляс, чтобы как-нибудь отогреть озябшие ноги и руки. Но это не мешало ему создавать гениальные произведения. Три своих лучших симфонии, а среди них и знаменитую симфонию «Юпитер», он создал в 2 месяца. Для оперы ему достаточно было не больше 6—8 недель. А знаменитую увертюру к опере «Дон-Жуан» Моцарт написал в течение четырех часов, накануне самого представления.

— Он пишет музыку, как мы пишем письма,—говорила друзьям жена Моцарта, Констанца.—И все это благодаря его отцу, который приучил Вольфганга к упорному труду... Он овладел в совершенстве искусством композиции. Для него самое важное найти сюжет хороший текст.

Однажды к Моцарту прибежал писатель да-Понте и радостно сообщил:

— Император разрешил к постановке «Свадьбу Фигаро». Об этой комедии Бомарше говорит вся Франция. Хотите, Моцарт, писать музыку на этот текст?

Моцарту только это и надо было. Он с жаром принялся за работу, и в 1786 году новая опера Моцарта «Свадьба Фигаро» была представлена в Венском театре.

— Никогда еще не было триумфа более прекрасного, чем триумф Моцарта и его «Свадьбы Фигаро»,—говорил ирландский певец Келли, певший на первом представлении одну из партий.

Один из лучших оперных театров Европы, пражский, пригласил Моцарта на первое представление этой оперы.

По дороге в Прагу, куда Моцарт поехал со своей женой, сломалось колесо в карете, и путники принуждены были остановиться на полдороге.

Моцарт выпрыгнул из кареты, радуясь этой неожиданной остановке. Оставив жену готовить обед, он побрел по полям.

— Только не заходи далеко! Помни, что через час мы выезжаем!—крикнула ему вдогонку Констанца.

Ласковый ветерок охватил Моцарта. Увлеченный восхитительными видами расцветающей природы, Моцарт забрел в чей-то сад и стал прогуливаться по аллеям. Душа его была полна мелодиями и звуками, навеянными прогулкой и воспоминаниями. Незаметно для себя, проходя мимо апельсинового дерева, Моцарт протянул руку, сорвал золотой плод и тихонько стал сдирать с него кожуру. Откуда ни возьмись, перед ним выросла фигура садовника. Моцарт растерянно посмотрел на него, не зная куда девать сорванный плод.

— С вашего позволения, сударь! Кто вам разрешил угощаться?

— Угощаться! Не думаешь ли ты, что я хотел украсть апельсин?

— Я думаю только то, что вижу. А за плоды я в ответе. Они все сосчитаны. А кто вы такой, сударь?

— Моцарт, капельмейстер из Вены.

— Вас знают здесь?

— Не думаю. Во всяком случае поди доложи. Вот тебе записка. А я подожду.

Владетельница сада, прочитав записку, побежала к мужу.

— Знаете ли вы, кто здесь? Прочтите письмо! Моцарт из Вены, композитор! Какое счастье! Пригласите его немедленно наверх.

Целый день провел Моцарт в обществе людей, которые, хоть и не знали его, но почитали, как великого музыканта. Хозяева послали за Констанцой, и, несмотря на уговоры жены, Моцарт целые сутки провел у гостеприимных хозяев. В Прагу он приехал с большим опозданием, — почти перед самым началом спектакля.

Восторг пражской публики был настолько велик и неподделен, что растроганный Моцарт обещал директору театра написать специально для Праги оперу. И он выполнил свое обещание. В следующем году на сцене пражского театра было исполнено величайшее произведение Моцарта «Дон-Жуан». Когда эту оперу в Вене выслушал император, он не мог не признать гения Моцарта. Несмотря на происки Сальери и Страка, Моцарт был, наконец, назначен придворным капельмейстером с жалованьем в 800 флоринов в год, хотя до него занимавший это место Глюк получал 2000 флоринов.

— Ваша служба не очень трудная, — ехидно стал утешать Моцарта Страк, передавая ему назначение. — Императору нужны не ваши оперы и симфонии, а лишь легкие танцы для придворных маскарадов.

— Восемьсот флоринов!.. Это слишком много за то, что мне поручено делать, и слишком мало за то, что я мог бы делать, — ответил Моцарт, принимая из рук камердинера долгожданное назначение.

8. Последний год.

В прохладной зелени тенистого сада, среди деревьев и цветов, в маленьком деревянном домике лежит больной Моцарт. Ему сегодня лучше, и он решил снова взяться за работу. В нем звучат переполняющие его мозг мелодии, и он спешит скорее записать их на бумаге. Но добрая Констанца убрала от него все, что может напомнить о работе, и Моцарт недовольно откидывается на подушки.

Шум в саду, чьи-то сердитые голоса и приближающиеся шаги отвлекли больного от его мыслей. Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась сначала фигура толстенького круглого человека, с лицом красным не то от выпитого вина, не то от громкого спора, в парике, съехавшим на сторону, а за ним — Констанца со злым и сердитым видом.

— Послушай, Моцарт, — крикнул недовольно гость, — меня, твоего старого друга, не пускают к тебе! Неужели ты так плох? Да нет же, ты выглядишь молодцом. Немного только бледен, но это чепуха... Выпей вина, и к тебе вернется цвет лица...

— Входи, входи, Шиканедер!.. Что тебя привело ко мне? — прервал Моцарт болтливого друга, директора труппы оперных и балетных артистов, сочинителя танцев, веселого рифмоплета, известного завсегдатая всех кабачков и таверн Вены.

— Послушай, Моцарт! У меня беда, и только ты меня можешь выручить...

— Охотно... Расскажи, в чем дело.

— Видишь ли Моцарт, я погиб... Да, да, погиб. Театр мой прогорел, мне нечем платить актерам... Они голодают и собираются...

— Денег, милый мой, — печально прервал его Моцарт — денег и у меня нет. А впрочем, Констанца, у нас, кажется, еще остались серебряные ложки... Можно заложить.

Шиканедер сделал отрицательный жест рукой.

— Нет, нет, Моцарт, не за деньгами я пришел к тебе на этот раз... Послушай, напиши для моего театра оперу. Но такую, чтобы взбудоражила всех венцев... Фантастическую... Ты ведь умеешь... Ну, конечно, можешь подпустить и серьезной музыки. Но главное, чтобы она пришлась по вкусу венцам. Я сам составлю текст, напишу декорацию... Хорошо, Моцарт?

— Ну, что же, я согласен... Надо помочь другу в беде.

— А сколько ты возьмешь с меня? — спросил Шиканедер деловым тоном.

— Что с тебя взять? У тебя ведь нет ни гроша за душой... Вот что я придумал. Оперу я дам тебе, и ты мне заплатишь сколько захочешь, но распоряжаться оперой буду я. Я сам буду продавать ее театрам, ты же переписывать ее не имеешь права... Согласен?

— Ну, еще бы, мой дорогой Моцарт! Даю тебе слово, что никто не получит от меня твоего произведения. Тебе это принесет кучу денег, а меня спасет от беды. По рукам!

Больной Моцарт на следующий же день с жаром принялся за работу, которая быстро подвигалась вперед, но с такой же быстротой и болезнь съедала композитора.

Констанца и друзья Моцарта с беспокойством следили за его бледностью, за потухшими глазами и отпечатком страданий, лежавшим на всех чертах его осунувшегося лица. Но никто из них не подозревал, насколько болезнь его была опасна.

Меньше всего думал об этом сам композитор.

Он работал, выступал на концертах, и даже в редкие свободные вечера ходил в кабачок, где с увлечением играл с друзьями на бильярде.

Однажды в самый разгар партии, когда он держал поднятым кий, чтобы ударить по шару, — Моцарт вдруг остановился и крикнул:

— Нет, вы послушайте! Я, наконец, нашел ее... Пойдемте!

И, бросив кий, он, напевая мелодию, выбежал в другую комнату, где стоял клавесин. Не успели его друзья

Эммануил Шиканедер.

еще сообразить, в чем дело, как раздались звуки мелодии.

— Это то, что мне нужно было... Для первого акта моей новой оперы «Волшебная флейта». Наконец-то я поймал эту мелодию!..

Не дав собравшимся опомниться, Моцарт быстро выбежал из кабачка и помчался домой. На пороге его встретила встревоженная Констанца.

— Вольфганг, там тебя дожидается какой-то незнакомец... Он хочет видеть только тебя.

Продолжая напевать, Моцарт вошел в комнату. Навстречу ему поднялся неизвестный человек, весь в черном, и протянул ему письмо:

— Сударь, письмо предназначено только для вас. За ответом я явлюсь завтра.

Моцарт распечатал письмо и повернулся к незнакомцу, но в комнате уже никого не было. Ничего не понимая, Моцарт принялся за чтение.

— Констанца—позвал он жену.—Странное письмо... Прочитай-ка...

— Ну, что ж? Ничего необычайного нет,—промолвила Констанца, возвращая листок мужу. — Неизвестный тебе господин заказывает написать для него Реквием. Он просит тебя поспешить, готов заплатить сколько угодно, но только ставит одно условие: никогда не пытаться узнать имя заказчика.

— И ты не находишь в этом ничего странного, Констанца? — взволнованно произнес Моцарт. — Таинственный незнакомец присылает мне заказ на похоронную музыку... Это странно, очень странно... Но я

¹ Заупокойная обедня.

возьмусь за нее. До сих пор я еще не писал таких вещей.

На следующий день незнакомец вернулся. Услышав ответ Моцарта, он спросил, какова будет цена работы. И когда Моцарт назвал сумму, незнакомец тут же вынул деньги и заплатил композитору.

— Только приготовьте к сроку. Иначе будет поздно! А за вашу скромность вы будете вознаграждены по окончании Реквиема.

Не говоря больше ни слова, незнакомец удалился. Моцарта, как и в первый раз, охватило неприятное чувство.

— Что бы это могло быть? Для кого предназначена эта похоронная музыка, — спрашивал он себя и друзей не раз, но никто не мог дать ему ответа.

Опера «Волшебная флейта» тем временем подходила к концу, и Моцарт весь отдался созданию «Реквиема».

— Я еще никогда не писал ничего в этом роде, — говорил он своей жене, и работал днем и ночью, с горячностью и любовью, какой не внушило ему ни одно из его произведений. Даже усиливающаяся болезнь не могла остановить этой лихорадочной работы.

Часто во время занятий у Моцарта были обмороки, после которых он долго не мог прийти в себя, но он и не помышлял о передышке.

Вместе с напряжением ухудшалось и его состояние, обмороки стали почти ежедневными и угрожающими. Глубокая меланхолия охватила ранее жизнерадостного музыканта.

Констанца встревожилась. Она хотела оторвать Моцарта от работы, рассеять его, и как-то раз в теплое осеннее утро повезла его кататься в Пратер.

Угрюмый и молчаливый сидел в коляске Моцарт, меланхолично следя за листьями, медленно падавшими с деревьев на землю.

Повернувшись к жене, он тихо сказал:

— Я знаю, что этот «Реквием» я пишу для самого себя... Очень немного дней мне осталось прожить... Я это чувствую.

Встревоженная Констанца стала утешать мужа, но все было напрасно. Печальный сидел он, и только безнадежно кивал головой.

Доктора запретили Моцарту продолжать работу над «Реквиемом». «Волшебная флейта» была уже кончена, Моцарт покорился предписанию врачей и загрустил еще больше. Безвыходно сидел он дома и все думал, думал об этом загадочном «Реквиеме».

А в это время вся Вена только и говорила о «Волшебной флейте». Первое представление, которым еще дирижировал Моцарт, было настоящим музыкальным празднеством. Вся Вена пришла в радостное волнение. Не было никакой возможности удовлетворить всех желающих услышать эту оперу. Театр дрожал от криков восторга и энтузиазма, но Моцарт ко всему оставался равнодушным. Больной и безразличный, он ушел домой и лег в постель.

Второе и третье представление оперы прошли уже без участия композитора. Его искали в оркестре—за него дирижировал другой. Его искали в зале—его там не было...

Одиноким, окруженный молчаньем и печалью, лежит он у себя в комнате, смотрит на часы и в воображении следит за представлением.

— Теперь,—говорит он себе,—первый акт кончен... Теперь поют клятву...

Потом он начинает думать, что все для него кончается, что приходит смерть, и глаза его со страхом отворачиваются от стрелки часов, которая ему кажется, вдруг начинает двигаться быстрее.

Но это не был еще конец. На следующий день Моцарту стало лучше, он встал с постели и даже пробовал шутить и смеяться.

Жена и друзья воспрянули духом. Опасность, им казалось, миновала, и в доме снова наступило радостное настроение. Обманутая этой передышкой, Констанца даже разрешила мужу после его настойчивых просьб снова заняться «Реквиемом». Но как только Моцарт взялся за его сочинение, как все его припадки и страдания вернулись с такой силой, что всякая надежда на выздоровление исчезла.

Теперь, по истечении многих лет, нам известно таинственное происхождение «Реквиема» Моцарта, работу над которым он так тяжело переносил.

Некий граф Вальдек, большой любитель музыки, но бездарный музыкант, решил заказать Моцарту «Реквием», но так, чтобы никто об этом не знал. Ему хотелось приобрести это сочинение и затем исполнять его под своим именем. Поэтому он и обставил этот заказ такой таинственностью, которая на Моцарта действовала так болезненно.

— Я пишу «Реквием» для себя,—все время твердил он окружающим.

5 декабря 1791 года к Моцарту пришел любимый ученик Зюсмайер. Взмолнованно он положил перед Моцартом пачку писем:

— Вот, учитель, все это вам! Все театры Германии считают за честь поставить у себя ваши оперы и пред-

лагают за них какие угодно деньги, а вот письма от издателей, они просят у вас самое маленькое произведение, хотя бы несколько строчек, только бы иметь возможность напечатать Моцарта.

Радостью зажглись на мгновение глаза умирающего:
— Наконец-то! — тихо прошептал он.

И потом с неожиданной силой добавил:

— Умереть теперь, когда я, наконец, могу жить спокойно, покинуть мир, когда можно работать свободным от рабства, покинуть семью, детей. Разве я не сказал, что пишу «Реквием» для себя?..

Констанца положила свою руку на пылающий лоб больного. Близилась полночь. Моцарт сделал движение губами, его бледные щеки вздулись, и он посмотрел на Зюсмайера.

Ученик понял учителя. Он хотел пропеть ему свою последнюю мелодию... Когда пробил последний удар двенадцатого часа ночи, Моцарта не стало...

9. Моцарт в наши дни.

(Из беседы учителя музыки с ребятами)

— ...Итак, ребята, вы только что познакомились с жизнью великого композитора В. А. Моцарта. Он умер почти полтора года тому назад, но музыка его и до сих пор живет среди нас. Когда вы обучитесь игре на рояле, одни из первых произведений, которые вы играете— это произведения Моцарта. Когда вы приходите в концерт, вы часто слышите музыку Моцарта. Наши юные музыканты-виртуозы исполняют Моцарта с любовью и охотой. Музыка Моцарта не умирает, потому что, когда мы ее слышим, она пробуждает в нас чувства

радости, желание жить и радостно работать, достигнуть в своей жизни таких же вершин, каких достиг Моцарт в своем искусстве. Его ясные и сердечные мелодии волнуют нас, и мы, вспоминая тяжелую жизнь их автора, гонимого и преследуемого князьями и графами, с гордостью думаем о нашей прекрасной родине, где ребята окружают заботливостью и любовью и где талантливым детям в любой области помогают стать талантливыми строителями нашей социалистической страны...

Что написано В. А. Моцартом

В. А. Моцартом написано 7 опер, 16 других музыкально - драматических произведений, 49 симфоний, около 100 разных сочинений для оркестра, 50 камерных произведений, 27 концертов, 21 соната и фантазии для фортепиано, ряд церковных произведений, более сотни сочинений для пения и много других произведений для различных инструментов.

Ред. М. Брук.

Техред Н. Родионов.

Сдано в производство 25/IV-35 г. Подписано к печати 29/V-35 г. Ф. 6. 72 × 104₃₂

Уполномоченный Главлита Б-7946. Тираж 20 000 экз. Инд. М 01 6 п. 1³/₄ п. л.
Гиз 4907. Зак. 834.

Нотн. отд. 1-й Образц. тип. Огиза треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28.